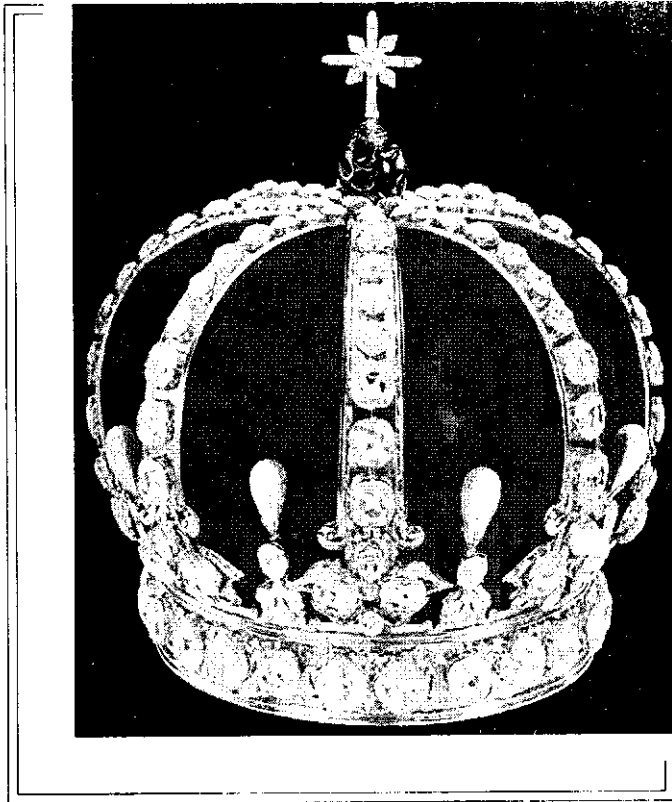

Политическая власть

Программные тезисы

- Власть как ключевой момент политики. Различные понимания власти. Власть как метафора обыденной речи и как политическое понятие. Связь власти с мощью, влиянием, силой, богатством, правами, полномочиями, нормами и т.п. Виды власти.
- Сущность политической власти. Ресурсы, функции и эффективность власти. Директивный, функциональный и коммуникативный аспекты власти. Принуждение и добровольность, насилие в политике. Способы и стили властвования. Вклад М. Вебера в изучение категории власти.
- Происхождение власти и ее источники. Власть и «власти предрержащие». Центры власти. Господство. Наделение авторитета властью и использование власти авторитетом. Субъекты политической власти и политические институты. Функциональное разделение властей. Многовластие и безвластие. Девальвация и ревальвация власти. Типы господства согласно М. Веберу.
- Кризисы власти и пути их преодоления. Доверие к властям и легитимность политического режима. Институциональные основы современной легитимизации и делегитимизации режима. Понятие харизмы.

Проблемные вопросы

1. Чем власть отличается от господства, влияния, мощи и силы?
2. Может ли власть быть неполитической? Если да, то чем политическая власть отличается от всех иных ее видов?
3. Каковы пределы власти? Как она связана с принуждением и насилием?
4. Что предполагают выражения «иметь власть», «приобрести власть», «утратить власть»? Может ли власть «перемещаться»?
5. Каким образом власть может быть утрачена, а как получена? Исчезает ли она при этом, уменьшается, увеличивается?
6. Что значит «быть властью» или «стать властью»? Что требуется для этого?
7. Что подразумевается под выражениями «реализовать власть», «проявить власть»? Что и от кого требуется, чтобы власть «осуществилась»?

1. СУЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ ВЛАСТИ

1.1. Соотношение политики и власти

Одна из первых, очевидно, попыток осмысления власти и соотносящихся с ней категорий — в политике богов, а не людей — предложена в VIII в. до н.э. *Гесиодом* (примерно VIII — IX вв. до н.э.) в поэме «*Теогония*» («*О происхождении богов*»), где уже были разделены Власть (Кратос) и Сила (Биа). Несколькими веками позже *Эсхил* (525–456 до н.э.) в драме «*Прикованный Прометей*» прояснил функциональное содержание этих понятий: слуги Зевса Власть и Сила привели ослушника богов к «скифской скале». Но если Власть, обладавшая суровым нравом, не знавшая мягкости и сочувствия, постоянно руководила, принуждала к действию приковывавшего Прометея Гефеста, то Сила по сути выступала только ее молчаливым орудием. Тем самым в прологе драмы были заложены типичные для античности (и во многом для сегодняшнего дня) представления — активный характер власти, ее обусловленность волей (Зевсом) и инструментальный, подчиненный статус силы. Так, вероятно, в художественном переосмыслении были заложены основы **кратологии***.

Власть как один из главных факторов в жизни человека — и несомненно центральный для политики, занимающейся вопросами распределения властных и иных ресурсов, — в высшей степени эмоционально окрашенное понятие, притягивающее одних людей и устрашающее других. Несмотря на сотни тысяч исписанных за столетия политическими мыслителями и учеными страниц, сама власть в качестве явления жизни вообще и политики в частности остается по сути малопознанной и по-прежнему объясняется с неординарных точек зрения. Потому тема власти в политологии очень сложна для понимания.

Когда мы говорим о власти вообще, то имеем в виду самые разные ее выражения, причем отнюдь не только политические. Это и власть родителей над ребенком, педагога над учеником, менеджера над сотрудником, многовековая и лишь недавно подвергнутая сомнению власть мужчины над женщиной; властными мы называем некоторые явления, связанные с сознанием: власть идей, общественного мнения, религии. К формам власти относят и мо-

Власть педагога над учеником — одна из неполитических разновидностей власти.
На рельефе из Новгорода (II в.) — учитель, ведущий урок.

гущество родства — патернализм (лат. *paternus* — отцовский), наследование, организацию патриархальных (гр. *pater* — отец, *arche* — власть) цивилизаций; и теократию (гр. *theos* — бог) как соединение религиозных и политических полномочий; и производственные отношения, определяющие экономическую власть. Но нас интересует исключительно феномен **политической власти** в его обобщенном истолковании как координации действий самых разных организованных самостоятельных групп людей в сложных обществах.

Интерпретация

О соотношении власти и политики рассуждали еще древнегреческие мыслители. В одном из диалогов *Платона* рассказано о споре в Афинах о политике с участием великого оратора, просветителя-софиста Горгия и философа Сократа. По мнению Горгия, политика есть стремление к достижению и осуществлению власти в интересах самих правителей, ведь высшее благо человеческой жизни — власть, и государственные деятели, например Перикл, обретают его с помощью убеждения и риторики. Ту же тему развил и почитатель софиста — Калликлес, провозгласивший в качестве естественного закона (природного номоса), что те, кто обладает властью, правят полисом ради собственных целей, принуждая подчиняться своей воле более слабых.

Платон сделал Сократа выразителем противоположной точки зрения, который не отрицал собственного интереса в политике со стороны власть имущих, но для него это означало лишь то, что подлинно государственное мышление — редкое явление на нашей земле: «Я — ...почти единственный афинянин, который практикует истинное искусство политики; я единственный политик своего времени». Идея Сократа сводилась к тому, что государственная деятельность — это искусство, схожее с гимнастикой или медициной, т.е. имеющее отношение к телу (организму). Подобно тому как медицина есть искусство рассмотрения тела с точки зрения восстановления здоровья, государственные заботы направлены на душу, будь то через законодательство, устанавливающее образцы душевного здоровья, или через управление судами, которые лечат болезни души. Риторика, искусство убеждения — это симуляция политики, равно как и косметика, искусственное сокрытие недостатков тела, — поддельная гимнастика. Истинный государственный деятель, владеющий знанием о том, что именно есть благо для людей, — это врачеватель душ.

О критичности власти в ее различных проявлениях много писал выдающийся итальянский философ *Макиавелли* в популярных по сей день

трудах «Государь», «История Флоренции». Но еще со времен античности в политической мысли постоянно присутствует и осуждение власти как таковой. В одном из диалогов Платона говорится: «Нет человеческой души, которая выстоит искушению властью». Спустя две с лишним тысячи лет, в 1887 г., известный британский политик высказался с трибуны парламента в том же духе.

«Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно... Великие люди почти всегда — дурные люди... Среди того, что ведет к деградации и деморализации человека, власть — самая постоянная и активная сила.

Лорд Актон

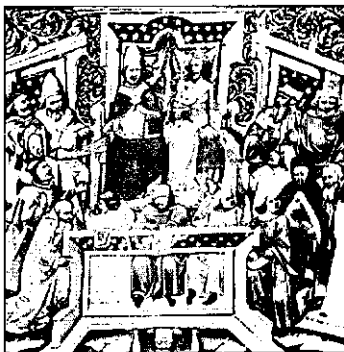
В политическое понимание власти обычно вкладывается двойственное содержание. На протяжении истории человечества в одних обществах власть воспринималась как нечто данное свыше, от Бога, и потому она почиталась как святыня. Тогда в тех, кто пытался противостоять власти, видели порождение темных сил зла, заслуживающих осуждение и наказание. Но были времена, когда во власти люди разочаровывались; она представлялась делом дьявола со всевозможными грехами, а борцы против власти рассматривались чуть ли не как святые, достойные восхищения и поклонения.

Обратите внимание

В древних Вавилонии и Мавритании царей почитали как богов либо как сыновей богов.

Отголоском верований в божественный дар английских и французских монархов было народное убеждение в том, что они могли своим прикосновением вылечить, скажем, золотуху. Так думали еще в XVIII в. По словам голландского философа *Бенедикта (Баруха) Спинозы* (1632–1677), Бога считали бесконечной силой, и в этом смысле монархии заставляли своих подданных обожать королей, как любят богов, причем турки, например, довели механизм такого обожествления властителей до предела: там любая политическая дискуссия считалась святотатством, а разум начисто был исключен из отношения к султанам. Просвещенная Европа в данном смысле вовсе не отличалась от Африки. Путешественник по этому континенту в конце XVIII в. рассказывал, что царь Бенина — фетиш и главный объект поклонения в своих владениях; он занимает положение выше, чем папа римский в католической Европе, ибо выступает не только как вице-регент бога на земле, но и сам является богом, которому подчиняются и поклоняются именно как богу.

На миниатюре XVI в. изображено равенство папы и императора, представляющих соответственно духовную и светскую власть.

То же самое было и на Руси: монарх в XIV–XV вв. именовался великим князем, с XVI в. — титуловался царем; еще с первой половины XV в. была принята формула «Божиею милостью». Она указывала на источник власти — теократический, т.е. происходивший из воли Божией, а не из воли подданных (*Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов*; 1838–1916).

Русский философ *Евгений Николаевич Трубецкой* (1863–1920) писал в статье «О христианском отношении к современным событиям»: самодержавие в России погибло от того, что оно стало не духом, а идолом для властителя. Царь уверовал в себя, в способность «субъективного откровения», сообщавшего ему — помазаннику Божиему — непосредственно или через посланных Богом людей слепую веру в себя как в орудие Провидения. И оттого он остался слеп и глух к тому, что все видели и слышали.

Власть — и главная проблема, и основной нерв, и особый болевой центр политики. Власть по сей день даже свободными духом людьми воспринимается в качестве «чудесного» средства, которое позволяет политике формироваться в виде особой стороны человеческой активности, связанной с целенаправленной организацией. Власть объединяет все наши обязательства и действия, которые могут и должны помочь нам достичь взаимосогласованных целей. Тем самым ее роль — это организующее первоначало политики и/или *посредник*, обеспечивающий в современном мире согласованность действий людей. Многозначность понятия власти обуславливает и разные ее определения.

«□□□□□» Политика — совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти, удерживаться у власти и полезно использовать ее... Итак, политика есть обращение с властью, заданное обстоятельствами и зависящее от могущества властителя или народа, а также от текущих ситуаций.

Н. Макиавелли, «Государь»

«□□□□□» Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себя включает.

М. Вебер, «Политика как призвание и профессия»

«□□□□ Политика, по существу, это власть: способность достичь желаемого результата какими бы то ни было средствами.

Э. Хейвуд, «Политика»

«□□□□ Международная политика, как и всякая другая, есть борьба за власть... Государственные деятели и народы могут в конечном счете изыскивать свободу, безопасность, процветание или просто силу, ...определять свои цели в виде религиозных, философских, экономических и социальных идеалов... Но всякий раз, когда они стремятся достигнуть таких целей методами международной политики, они делают это, борясь за власть... Подобная борьба универсальна во времени и пространстве, и это — неопровержимый факт исторического опыта.

Г. Моргентау, «Политические отношения между государствами»

Даже при несогласии с толкованием политики как «стремления к власти», по сути общепризнанно, что власть находится в центре политики и является ключом к пониманию едва ли не всех других ее аспектов.

1.2. Власть и связанные с ней понятия

С властью* связана целая смысловая группа парных сопоставлений: власть и — мощь (могущество), влияние, господство, авторитет, убеждение, принуждение (насилие). И не только. Итало-американский политолог Джованни Сартори (род. 1924) утверждает: власть — это семантическая (т.е. смысловая) головоломка.

В первую очередь под властью подразумевают высшую государственную власть, что отражено в смысловой стороне многих языков нашей планеты. По-французски власть — *le pouvoir* — это еще и синоним центрального правительства; по-английски — *the power* — и держава, государство со всей его мощью; по-немецки — *die Gewalt* — кроме собственно власти, также мощь либо насилие. В нашем родном русском языке *власть* зачастую оказывается синонимом начальства, а в множественном числе (власти) обозначает властные органы государства. На чешском слово *vlást* — родина, отечество, политическая власть как таковая именуется *moc*, равно как и мощь, а правительство — *vlada*. Следует помнить и то, что довольно популярное словосочетание «*власти предержащие*» в качестве верховного правления государства заимствовано из Библии (в каноническом русском переводе) из послания апостола Павла к Римлянам, где и содержится обоснование божественного происхождения, высшей религиозной

санкции на политическую власть: «Всяка душа властем предержащим да повинуется. Нетсть бо власть аще не от Бога» (Рим. 13:1).

Томас Гоббс, определяя власть через **могущество***, писал так: «Власть есть не что иное, как избыток могущества одного человека над другим», а *Спиноза* добавил: могущество человека возрастает тогда, когда он использует свой разум либо объединяется с другими людьми, и в этом смысле человек — «политическое животное».

☞☞☞☞ Могущество человека... есть его личные средства достигнуть в будущем некоего видимого блага. Власть человека, если рассматривать ее универсально, состоит в его внешних возможностях овладеть очевидными будущими благами.

Т. Гоббс, «Левифан»

Показательно, что почти все мыслители прошлого, рассуждая о власти, не дают ей четкого определения, хотя и признают, что власть — фокус политики, а также науки об этой сфере деятельности человека. Последнее — едва ли не единственное, в чем они согласны друг с другом. Тот же Макиавелли, очарованный игрой власти, склонен, говоря о ней, скорее прибегать к ярким эпитетам и сравнениям, чем искать более или менее строгие дефиниции. Только на современном этапе развития политической науки появляются разнообразные трактовки именно самого понятия (концепта) власти. Для одних теоретиков власть есть **влияние*** особого рода, для других — способность к достижению конкретных целей (в т.ч. в распределении материальных и иных ресурсов), для третьих — возможность использования неких средств, для четвертых — специфическое отношение (приказание/подчинение или еще какое-то иное) между управителем и управляемым и т.д.

Отличия в трактовке понятия связаны не только с многозначностью самой власти, но и с разными способами употребления данного слова. С одной стороны, оно позволяет слагать метафоры обыденной речи (оказаться во власти волн, преодолеть власть нищеты, вырваться из-под власти любовных чар и т.п.).

Обратите внимание

Фраза «учитесь властвовать собой» — метафора, предполагающая контроль разума над эмоциями. Если воспринять ее как «совет» по поведению в реальных властных отношениях, то возникает некая ненормальная ситуация расщепления личности вроде шизофрении — «двовластия в одной голове».

С другой стороны, власть выражает особое политическое понятие, даже фиксирует довольно строгую научную категорию политологии. Однако при близительности и небрежности в обращении со словом *власть* и связанными с ним по содержанию терминами *господство*, *влияние*, *авторитет* и подобными им создают немало проблем для практической политики и для политической науки.

«□□□□ Я считаю довольно грустным отражением состояния политической науки тот факт, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как *власть*, *мощь*, *сила*, *авторитет* и, наконец, *насилие*. Все они относятся к ...различным феноменам... Использование их в качестве синонимов не только указывает на определенную глухоту к лингвистическому значению, что само по себе весьма серьезно, но также указывает на некое слепое восприятие реальностей, которым они соответствуют.

Х. Арентз, «Кризисы республики»

Вместе с тем при всей сумятице, которую вносит в наше мышление, а с ним и в политическое поведение смешение значений, нельзя отрицать важность сущностной близости, хотя и не идентичности, тех явлений, которые относятся к смысловому «гнезду» понятия власти. *Мощь** и *силу** объединяют с властью особые способности к какому-то делу, свершению. Богатство, нормы, права, полномочия (даже навыки, обычаи) составляют собой некие проявления власти, по осуществляемой по-иному и в других отношениях. Наконец, влияние, авторитет, господство — неотъемлемые специфические категории (и в этом смысле продолжения) власти со своими особыми инструментами, условиями осуществления и т.п.

1.3. Содержание власти

Важно различать виды власти — *политическую* и *неполитическую*. Для отличия такой «несовершенной», как бы сказал *Аристотель*, власти вне политики от вполне «совершенной» ученые пользуются именно понятием *политической власти*, как имеющей только собственный смысл, источники и ресурсы, а также образующей особого рода *властные отношения*.

Та или иная политика всегда обнаруживается в неполитических аспектах единой человеческой реальности. Если мы в состоянии выделить экономическую политику, то у нее непременно найдется и свое средство всеобщей связи, делающее возможным и эффективным выполнение обязательств, взятых на себя участниками экономических отношений. Раз так,

то можно говорить об особой власти в сфере экономики, а значит, и об авторитете, **полномочиях*** и правах экономических субъектов.

Для определения сущности власти как таковой можно было бы ограничиться указанием на то, что она выступает *средством всеобщей связи* при осуществлении целедостижения, **символическим посредником**, обеспечивающим выполнение взаимных обязательств (в кратком истолковании **Толкотта Парсонса**). Однако такое указание вряд ли достаточно, ибо в качестве подобного средства могут выступать самые различные явления — от грубого насилия до тонких дипломатических ухищрений.

На протяжении всей истории человечества власть одних людей над другими принимала порой самые причудливые формы. В древности физическое превосходство рождало власть: кто сильнее, тот и правит. Постепенно по мере развития цивилизации власть стала наследоваться. Король — символ и воплощение власти, передаваемой по наследству. В более поздние времена в символ власти превратился капитал — кто обладает им, у того власть над промышленностью, т.е. и над другими людьми. Итак, традиционные **источники** власти — *насилие, наследство, богатство*. Во второй половине XX в. все чаще начали писать о *знании* как еще об одном, специфически современном, источнике власти. Правда, надо отметить, что уже с античности повелители понимали, что образование помогает подчинить индивида коллективу, а около 400 лет назад английский философ и государственный деятель **Фрэнсис Бэкон** (1561–1626) рассматривал знание в качестве силы.

Джон Гэлбрейт (род. 1908), выдающийся американский социолог, экономист и политический мыслитель, писал в книге *«Новое индустриальное общество»* (1967), что энергоносителем индустриального общества были

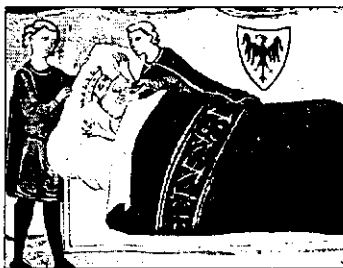

Иллюстрация из средневековой рукописи демонстрирует два источника власти — насилие и наследование. Согласно легенде, император Священной Римской империи Фридрих II был задушен собственным сыном Манфредом.

деньги. Но в век информатики таким энергоносителем становится знание. Сегодня можно наблюдать формирование новой линии раздела в обществе — на тех, кто обладает информацией, и тех, кто выполняет свои функции вслепую. Власть информированного класса будет опираться не на собственность, на землю или капитал, а на знание. Другой известный автор, работающий в сфере политической теории и прогнозов, **Олвин Тоффлер** (род. 1928) так прояснял ситуацию с современными источниками власти: в конце XX в. происходит перераспределение власти, затрагивающее не только ее системы, но

и глубинные основания. Теперь факторы власти — по-прежнему насилие и богатство, но главным становится знание, ибо именно оно лежит в основе по-современному понимаемых силы и богатства. Знание имеет двойную структуру: образование как приобретение технической или научной, практической или теоретической компетенции; информация как постоянное совершенствование политической и экономической функций личности, причем информацию можно преобразовать в действенную пропаганду каких-либо властных тактик. Кстати, указанным источникам соответствует и определенный набор способов доступа к политической власти: *силовой* (революция, переворот), *наследование* (династия), *выборы*.

Множество попыток объяснить **сущность** власти так или иначе сводились к двум основным тезисам: 1) признанию наличия некоей абстрактной власти, оказывающейся самостождественной; 2) пониманию власти как какого-то качества или силы, которая может находиться в распоряжении ее временных хранителей, быть переданной по наследству, захваченной, узурпированной и т.д.

Иной подход ввел в современную науку немецкий социолог и теоретик политики **Макс Вебер**, который определял власть как **отношение**, предполагающее согласие обеих сторон — управителя и управляемого — в нем участвовать. Анализ власти (точнее, господства) Вебера касался не только политических институтов (государства, партий, профсоюзов), но и корпораций вроде Церкви, предприятий. Он рассмотрел власть как действие, направленное по отношению к чему-либо или к кому-либо. Для проявления власти нужно, таким образом, чтобы в наличии было два человека или две группы людей — субъект и объект. Собственно говоря, нынешние кратология и политология в целом по преимуществу исходят из веберовских концептуальных тезисов.

Вебер полагал, что власть — это возможность теми или иными особыми способами добиться подчинения со стороны определенной группы людей, однако он не имел в виду некую вероятность (шанс) применить могущество или влияние ради подчинения: власть — это самые разные мотивы

Богатство как источник власти.
Козимо МЕДИЧИ-старший
 (1389, Флоренция — 1464, Киреджи,
 округ Флоренции), купец и банкир,
 владелец крупнейшего в Европе
 состояния. Положил начало
 могуществу семьи Медичи,
 превратившей Флорентийское
 государство из республики
 в синьорию. Активно участвовал в
 городских делах, не занимая никаких
 общественных должностей, снискал
 народное доверие и расположение
 большинству пожертвованиями на
 общественные нужды и культуру:
 дарамы и займы гражданам и
 государству.

послушания: от обычной привычки до рациональных (рассудочных) соображений. Значит, по Веберу, всякое подлинное отношение господства содержит интерес, внешний или внутренний, к подчинению (см. «*Экономика и общество*»).

Формула власти Вебера выглядит следующим образом: власть состоит в способности индивида А добиться от индивида Б соответствующих воле А поведения или воздержания от действий, с которыми Б в противном случае не согласился бы. При более внимательном рассмотрении этой *формулы власти* легко заметить: недостаточно, чтобы объект Б вообще как-нибудь реагировал, а нужно его поведение в соответствии с волей А. Очевидно, что не всякие отношения означают власть. Кроме того, в данной формуле сравниваются реальный факт и гипотеза («в противном случае делать бы не стал»), но мы не знаем этого точно — ведь можно представить себе ситуацию, когда воли А и Б совпадают или Б случайно поведет себя так, как хотелось бы А. Значит, Вебер подразумевал, с одной стороны, навязывание воли и подчинение — с другой.

ВЕБЕР (Weber). Макс (1864, Эрфурт — 1920, Мюнхен) — социолог, экономист, политический философ и историк, оказавший выдающееся влияние на формирование фундаментальных основ теории и методологии социальных наук, в т.ч. политологии, XX столетия.

Автор многочисленных работ, среди которых: «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905); «Объективность» социально-научного и социального политического познания» (1904); «Критические исследования в области логики наук о культуре» (1906); «Хозяйственная этика мировых религий» (1916–1919); «Политика как призвание и профессия» (1919); «Наука как призвание и профессия» (1920); «Экономика и общество» (1924, посм. публ.) т.д. Творческий потенциал трудов Вебера соизмерим с наследием других великих социальных мыслителей: его называют «великим буржуазным антиподом Карла Маркса».

Вклад в развитие политической мысли. Научные интересы Вебера это широкий круг вопросов по социологической теории и методологии социального познания, истории капитализма и факторам генезиса западной цивилизации, религии, праву, экономике и т.д. Размышления ученого о природе, мотивах и типах *господства* стали классикой политической теории.

В отношении методологии социального знания («наук о культуре», например истории) — как именно индивидуальные суждения превращаются в объективно-научные, общезначимые — Вебер подчеркивал: социальная наука должна быть свободна от оценочных суждений в соответствии с принципами по-

да к любой дисциплине естествознания. Однако это требование не означает переноса естественнонаучной методологии на исследование общества и деятельности человека из-за их специфики и отказа ученого — как частного лица — от своего права на нравственную (и политическую) позицию, собственные оценки. Индивидуальное суждение становится объективным при его «отнесении к ценности», значимой для всех познающих субъектов в данную историческую эпоху. Ценность в таком случае — *свойственное* эпохе направление «интереса», т.е. она не может быть надисторической, а значит, абсолютной истиной на века в силу социально-исторической детерминированности знания.

Ориентация на ценность — основа для образования научных понятий. Исходя из этого принципа, Вебер предложил методологический инструмент познания — «*идеальный тип*» в качестве теоретической схемы для выражения «интереса эпохи». При мысленном конструировании идеального типа (с учетом его утопических, даже «чуждых миру» свойств) нужно сознательно абстрагироваться от всей полноты реальности и выделять только некоторые ее аспекты. Для Вебера идеальный тип — лишь средство познания, выполняющее классификационные, терминологические и т.п. функции. Для историка идеальный тип нацелен на раскрытие «генетических связей» между имевшими место явлениями и отличается по сути и способам создания от «чистого» идеального типа в социологии с его более общим характером.

Категория действия — одна из центральных для социополитической теории Вебера. Действием он называет любое человеческое поведение (внешнее или внутреннее деяние, бездеятельность или переживание испытания), когда действующий связывает с ним некий *субъективный* смысл (мотив). В свою очередь, основным субъектом (актором) социального действия, для которого характерны субъективная мотивация и «ориентация на *других*», выступает *отдельный индивид*. Изучения действий групп людей (коллективностей) Вебер оставлял психологам, считая, что поведение индивида в массе часто поразительно, не субъективно, значит, и не социально.

Вебер выделял четыре вида социальных действий: 1) *целерациональное* — ориентированное на осознаваемую человеком цель, причем выбор средств для ее достижения осуществляется им в соответствии с критерием успеха; 2) *ценностно-рациональное* — поведение сознательно организовано согласно конкретной системе ценностей, не связанных с оценкой успешности; 3) *аффективное*, которое определено «через актуальные аффекты и чувства», т.е. в основе его — эмоциональные побуждения; 4) *традиционное*, обусловленное привычкой. Образцовым (идеальным типом) для прочих видов действий, позволяющим классифицировать многообразное человеческое поведение, является целерациональное. Данный выбор неслучаен: Вебер считал *рационализацию* социального действия («замсну внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса») всемирно-исторической тенденцией, распространившейся с Запада на неевропейские цивилизации. Радикальной рационализации как сущностной черте современности подвергаются все основные сферы общества: хозяйственная деятельность, управление в экономике и политике, об-

раз мышления, повседневная жизнь и т.д. Убедительное проявление этого процесса — рост социального значения науки.

Исходя из рациональности, Вебер проанализировал современное общество, противопоставив идеальные типы «традиционного» и «капиталистического» (индустриального) обществ, которые различаются по форме собственности, преобладающим технологиям, рынку рабочей силы, способам экономического распределения, природе законов, распространенным мотивациям. В традиционном-аграрном обществе: собственность привязана к наследственному социальному статусу; почти нет механизации работ; законы имеют частный характер, т.е. неодинаково применяются к разным социальным группам; преобладающие мотивации сосредоточиваются вокруг удовлетворения нужд на привычном, фиксированном уровне. Напротив, в капиталистическом обществе: частная собственность на все средства производства и их концентрация находятся под контролем предпринимателей; механизация труда является ведущей технологией производства, а его критерии — эффективность, производительность, рациональность в организации; труд — это товар на открытом рынке, свободно перемещающийся между отраслями и регионами в соответствии со спросом; рынок выступает в качестве основы распределения и потребления, а также не ограничен слабым развитием средств платежа, транспортировки товаров и прочими барьерами (т.е. может их преодолевать самостоятельно либо с помощью государства); законы универсальны (отсюда принцип равенства граждан перед законом) и ясно прописаны; конечная мотивация экономического поведения — неограниченное приобретение.

Показательно, что Вебер создал идеальный тип именно *современного* капиталистического общества, связанного корнями с *западной* — и никакой иной — культурой. Такой подход открыл возможность для сравнительных исследований; позднее он рассматривал специфику социокультурных (включая духовные) оснований западного капитализма в сравнении с историческим своеобразием *незападных* цивилизаций (Восток, в т.ч. Россия). Лишь таким образом стало возможным выявление уникальных составляющих религиозно-хозяйственной этики Запада. Сравнительный анализ привел Вебера к выводу, что цивилизационные отличия не могут быть чисто экономическими, а определены социально-историческими и культурно-историческими условиями. Именно в данной связи возникло понятие «дух капитализма» — этические (преимущественно протестантские) нормы, реализующиеся в человеческом поведении как «этос», регулирующий весь уклад жизни его носителя, как «строй мышления», находящий свою наиболее адекватную форму в капиталистическом предприятии.

Вебер считал, что современный ему мир все больше оказывается в «железной клетке» расчета, а общественной жизни угрожает бюрократизация, понятая им как результат вовлечения масс в политику, сопровождающегося появлением множества общественных организаций, рационализация деятельности которых и имеет следствием бюрократизацию. Такая ситуация таит в себе опасность деструктивной для *рационально-легального* порядка реакции в виде эмоционально возбужденных массовых религиозных и по-

литических движений. Вебер также указывал на необходимость развития т.н. плебисцитарной демократии, позволяющей народу избирать харизматических лидеров. По его мнению, это компенсировало бы недостаток легитимности (народного признания) власти в парламентских республиках.

Эти и другие концепции Вебера оказались очень продуктивными для исследования политики и решения все новых вопросов политической теории на уровне задач XX в.

Интерпретация

Формула власти, по *Фридриху Энгельсу*, классика коммунистической мысли: власть — это навязывание воли одной стороной для подчинения другой.

Иными словами, подразумевается, что в процессе осуществления власти интересы одного субъекта приносятся в жертву интересам другого. Понятно, что тем самым усиливается конфликтный аспект власти. Несмотря на всю привлекательность этого подхода, он требует многих дополнительных уточнений, существенно затрудняющих фиксацию содержания власти.

Интерпретация

Американский политолог *Роберт Даль* (род. 1915) упростил веберовскую формулу власти: А имеет власть над Б настолько, насколько А может заставить Б сделать то, что не сделал бы самостоятельно.

К власти вообще очень трудно подойти объективно, она ускользает, видоизменяется, «играет» с наблюдателем. Стоит ли удивляться, что чуть ли не каждый известный политолог попытался сказать о власти что-то свое?

Общее определение власти должно включать следующие элементы:

- не менее двух партнеров отношений власти, причем этими партнерами могут быть как отдельные лица, так и группы лиц;
- приказ осуществляющего власть, то есть выражение им воли по отношению к тому, над кем он осуществляет власть, сопровождаемый угрозой применения санкций в случае неповиновения выраженной таким образом воле;
- подчинение того, над кем осуществляется власть, тому, кто ее осуществляет, то есть подчинение выраженной в приказе воле осуществляющего власть;
- общественные нормы, устанавливающие, что отдающий приказы имеет на это право, а тот, кого эти приказы касаются, обязан подчиниться приказам осуществляющего власть.

Е. Вятр, «Социология политических отношений»

Одни отождествляют власть с теми ресурсами, которые используются для связывания и опосредования целенаправленных действий и обязательств (отсроченных действий) в политике. При таком подходе власть предстает как своего рода *мощь, сила, воля, обаяние* или просто как некий необъяснимый, чудесный дар, именуемый загадочным словом **харизма** (гр. *charisma* — божественная милость, дар: от *charis* — прелесть, удовольствие). Это могут быть и возможности, порожденные иными, чем политика, аспектами человеческого существования, которые превращены (конвертированы) во власть — *богатство* из экономической сферы, *влияние* — из социальной, *нормы и образцы* — из культурной. Подобной властью как ресурсом люди обладают (власть и владение — слова однокоренные), утрачивают его, передают, получают и делают.

Для других политологов понятнее и ближе сведение власти к устойчивым отношениям между людьми. Они связывают власть с *приказанием/подчинением* или *зависимостью*, обезличенной волей обстоятельств, а то и с *взаимозависимостью*. Взаимозависимость и вообще отношения двух или более переменных — это функция, и в таком качестве власть уже не может быть присвоена одним лишь лицом. Более того, функция начинает преобладать над людьми, делая их своего рода заложниками структурных отношений, предзаданных традициями и навыками политического взаимодействия. Власть как бы отчуждается от конкретного лица и становится «личиною», маской со своей ролью и сюжетной линией, которые приходится разыгрывать.

Есть, наконец, политики и политологи, для которых власть предстает в виде открытия грядущих *возможностей* (потенций), т.е. как средство политического творчества, проявляющегося в решении проблем создания новых ресурсов и функций. Такое творчество бессмысленно без обсуждения и согласования альтернатив. Над ресурсами и над функциями надстраивается содержательная форма связи (коммуникация), порождающая все более современные, соответствующие обновлению условий смыслы человеческой деятельности, соотносению целей и средств, а главное — выдвигающая глубинным основанием власти эффективность целдостижения.

Все эти различные трактовки феномена власти не исключают друг друга — они фиксируют разные и совершенно реальные ее аспекты. В нынешней политологической литературе нередко выделяют как минимум три таких измерения.

В соответствии с **директивным** аспектом власть понимается как господство, обеспечивающее выполнение указания верховного властителя, будь то человек или институт. Определенная таким образом власть — именно та, что осуществляет свою волю путем введения в дело разных наличных средств, ресурсов разного рода. Очевидно, что это очень серьезная характеристика власти.

Важно и **функциональное** измерение, т.е. понимание власти как способности и умения реализовать функцию общественного **управления*** на практике. Данная функциональность обусловлена тем, что политическая власть представляет собой отношение между теми или иными субъектами и объектами, политическими акторами (отдельные граждане, их организованные группы, партии, государства и т.д.).

Коммуникативный аспект власти обусловлен тем, что отправление власти идет путем общения, с использованием известного языка, понятного обеим сторонам данного общественного отношения.

Все три перечисленные аспекты власти — совершенно реальны, но все же не совсем равнозначны. Директивная составляющая, т.е. власть как принуждение к исполнению воли приказывающего, как правило, считается основной. Это, по сути, и отражено в распространенных в политологии определениях власти.

«**Власть** означает любую возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана».

М. Вебер, «Политика как призвание и профессия»

«В самом общем виде власть одного лица над другим можно определить следующим образом: Иван имеет власть над Петром всякий раз и только тогда, когда, согласно нормам общества, к которому принадлежат Иван и Петр, Иван имеет право приказывать Петру, а Петр обязан подчиняться приказам Ивана... Власть — это возможность приказывать в условиях, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться. Говоря о приказывании и повиновении, мы имеем в виду определенный тип воздействия, отличный от того, что обычно называют «влиятием»».

Е. Вятр, «Социология политических отношений»

Вебер постарался и классифицировать власть, сформулировав ее три идеальных типа. Первый из них он обозначил как **индивидуализированную** власть, которая обычно осуществляется одним человеком и во многом зависит от его личных качеств. Из истории известно, что древнегреческие герои (тираны) добивались верховного статуса благодаря своим подвигам. При этом их смелость, умение повести за собой людей и соотносить свои силы с противником играли решающую роль. Маккиавелли добавил и другие качества, необходимые властелину, — ловкость, изворотливость, способность добиваться цели любым путем, независимо от моральных ограничений. Однако у власти данного типа есть серьезные недостатки — прерывистый характер и отсутствие четких правовых границ. В случае смерти

правителя, твердо и общепризнанно воплощающего собой власть, как правило, наступает период политического и иного кризиса (смуты), поскольку такое руководство трудно воспроизвести его наследнику.

Обратите внимание

В 1169 г. Андрей Боголюбский отказался сесть на княжеский престол в Киеве, сжег город, но сохранил за собой титул князя Киевского. Он перенес столицу Руси во Владимир, где попытался создать новый тип правления, отличающийся и от вечевского, и от боярского. Его система власти строилась на следующих принципах: абсолютная власть князя; он не подчиняет себе бояр, а просто игнорирует их; правитель видит высшую санкцию (утверждение) власти в самом себе; князь воплощает собой весь народ. Условие существования подобной власти — наличие такого мощного репрессивного аппарата, который превышал бы возможности сопротивления всех потенциально противодействующих сил. В итоге Андрей Боголюбский был убит и у власти воцарился Всеволод Большое Гнездо; уже само доведение к его имени говорило о возврате к коллективному типу руководства (князь вместе с боярами).

Еще один идеальный тип — это **институционализируемая** власть. Политические мыслители долго размышляли о том, как сделать отправление власти непрерывным. Именно этой цели служат различные политические институты и государственные учреждения. Но если источник власти находится не в людях, а в принципах или институтах, то последние легко ограничить (поэтому, например, появились идеи естественных прав человека), а также выработать правила и механизмы передачи власти чаще всего тремя основными способами: по наследству (от родителя к потомку либо родственнику); по правовым установлениям (в т.ч. назначение в порядке иерархической очередности); по конституции (через механизм выборов). Следовательно, институционализируемая власть по существу и означает современное государство.

Обратите внимание

Постановлением Великого Поместного и Земского Собора 1613 г. право на наследование всероссийского престола было закреплено на вечные времена за потомством царя Михаила Федоровича Романова (1596–1645). Российские законы о престолонаследии основаны на законодательстве, принятом императором Павлом I в 1797 г. В ст. 27 указано: «Оба пола имеют право к наследию Престола; но преимущественно принадлежит сие право полу мужскому по порядку первородства; за пресечением же последнего мужского по-

коления, наследие Престола поступает к поколению женскому по праву заступления». Все члены Императорского дома имели право престолонаследия, кроме потомков от их браков с лицами, не обладавшими соответствующим достоинством.

Абстрактная власть институтов воплощается в конкретных людях. Итак, третий идеальный тип власти — **персонифицированная**. В последнее время наблюдается усиление *личностного* фактора во властвовании. В немалой степени это связано с приходом эры телевидения и позже — Интернета. Раньше отношения между управителями и управляемыми имели преимущественно безличностный характер. Многие даже не знали, как выглядит их правитель. С развитием средств массовой коммуникации политики вошли в частную жизнь граждан; их взгляды порой лучше знакомы людям, чем мнения коллег или соседей. Дистанция между властью и массами сократилась, власти предержавшие перестали быть богами и выступили в образе живых людей, однако наделенных соотечественниками особыми полномочиями и функциями. Возникло явление, получившее название «государство-спектакль». Орел властвования оказался подверженным эрозии.

2. ФОРМЫ И КАТЕГОРИИ ВЛАСТИ

2.1. Власть как принуждение

Почти все определения власти так или иначе связывают ее отправление с **принуждением***, приказанием, внешним волевым усилием по отношению к подвластным. В основном решения о поведении, таким образом, принимаются против их желания, поскольку общество видится как механическая солидарность. Преобладает режим команда/исполнение.

Понятие подчинения присутствует в явном или скрытом виде фактически во всех теоретических концепциях власти. Уже первая из них — *Платона* — рассматривает власть в понятиях приказа начать действие и его исполнения. Тот же подход у *Аристотеля*, *Гоббса*, *Гегеля* и других мыслителей прошлого и настоящего. Подчинение всегда предполагает отношения равноправные, *асимметричные*, когда одна из сторон доминирует.

«□□□□ И во всем ...из нескольких частей, составляющих единое целое, называется властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы, и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа. Правда, и в предметах неодушевленных, например, в музыкальной гармонии, можно подметить некий принцип властвования.

Аристотель, «*Политика*»

Насилие как источник власти.
Гражданская война в Риме.
Фрагмент барельефа,
I в. до н.э.

Фокусирование внимания на директивном аспекте власти вполне понятно: оно удобно для создания простых моделей властных отношений, ибо позволяет представить их в как бы в очищенном, чуть ли не в первобытном виде. В этом случае, однако, для политолога существует опасность увлечься теоретически и политически усеченными трактовками власти, которые нередко сводят ее к господству или даже незамысловато отождествляют с принуждающим **насилием***.

И наоборот, ученые, исходящие из усложненного коммуникативного истолкования власти, склонны твердо разграничивать применение силы (англ. force) и принуждающего насилия (англ. coercive violence) от собственно власти. Например, американский политолог, специализирующийся на новых аспектах содержания научных понятий, **Теренс Болл** (род. 1944) считает всякое насилие лишь псевдовластью, фактическим признанием псевдовластвующим субъектом того, что он не в состоянии ни осуществлять самостоятельное руководство, ни добиваться своих целей в условиях конструктивного сотрудничества с другими.

С несколько односторонним подходом Болла, который не учитывает иных аспектов власти, кроме коммуникативного, по сути дела спорил выдающийся теоретик **Парсонс**.

Сила — это «способ», но не всегда обязательно «средство», с помощью которого один элемент системы социального взаимодействия (будь то индивид или коллектив) может влиять на другой. В этом случае сила является использованием контроля над ситуацией, в которой alter (лат. «другой») элемент, выступающий в роли объекта для ego (лат. «я»), подвергается давлению *физическими средствами*, чтобы отвести alter от совершения чего-то нежелательного для ego или наказать его за то, что не следовало бы делать с точки зрения ego (а наказание предназначено заставить alter отказаться от подобного действия в будущем), или «символически» продемонстрировать способность ego контролировать ситуацию даже независимо от его ожиданий того, что у alter могут быть нежелательные, по мнению ego, устремления.

Т. Парсонс, «Социологическая теория и современное общество»

Разрешить проблему позволяет рассмотрение власти как связывающего действия и обязательства людей **посредника**, который может представ-

лять ее в разном виде. Заключены ли в столкновении силы с силой предпосылки политического взаимодействия человека с человеком? Да, в той же мере, в какой прямой натуральный обмен (бартер) содержит в себе первоначала отношений экономических. Подобные взаимодействия, однако, связаны с конкретной ситуацией, а силовое принуждение или обмен чаще всего бывают однократными. Устойчивость и постоянство, столь необходимые и политике, и экономике, достигаются тогда, когда принуждение и обмен превращаются в обобщенный символ. Такими символами становятся в политике ресурсы насилия и признаваемое в данном сообществе право их использовать («монополия легитимного физического насилия», которую Вебер признавал за государством), а в экономике — некий универсальный товар, например золото. Кстати, сравнения между политикой и экономикой для прояснения властных отношений очень полезны и убедительны.

Власть, по Парсонсу, понимается как аналогичный деньгам символический посредник, циркулирующий внутри политической системы, но способный перемещаться отсюда во все три соседние функциональные подсистемы общества — экономическую («конвертируясь» в те самые деньги), интегративную (совокупность социальных общностей с посредником в виде влияния) и строподдерживающую (культурную с посредником в виде ценностей). Тем самым власть осмысливается как способность обеспечивать выполнение связывающих обязательств элементами политической системы, когда эти обязательства признаны соответствующими коллективным целям, а на случай неповиновения кого бы то ни было предусмотрено принуждение. В соответствии с определением Парсонса сделать возможным исполнение некоего желания даже угрозой превосходящей силы не означает использовать власть. Способность добиться послушания, чтобы ее назвать властью, должна быть обобщенной, а не одной лишь функцией какого-то единичного воздействия.

На придании принуждающему насилию символического смысла устояние интерпретации власти не завершается. Подобно тому как простое накопление и расходование золота не создают эффективного денежного обращения, обычное аккумуляирование ресурсов, прав на насилие и их растративание все еще имеют непосредственный характер и осуществляются в сравнительно ограниченных масштабах. В довольно примитивных условиях традиционного общества требуется сосредоточение

Прямое насилие как способ принуждения объекта к желаемому поведению. На гравюре (XVII в.) изображены наказания, применявшиеся в Европе в XVII в. — железный ошейник и принудительные работы.

Насилие, применяемое как санкция за отступление от общепринятых норм.
Инквизиция в Испании
(сравнор с картины XIII в.).

золота и ресурсов насилия (например, дружины) тогда и в том месте (локусе), где должны быть реализованы властные или торговые отношения. С развитием человеческих сообществ происходит дальнейшее усложнение их экономической и политической организации, в частности, образуются устойчивые функциональные отношения типа работодатель/должник и властитель/подвластный. Тогда уже не нужно возить повсюду золото, достаточно иметь расписку, вексель и т.п. Не стоит и окружать себя вооруженными дружинниками — вполне хватает законодательно закрепленных прав управителей и обязанностей управляемых. На этой основе и в экономике, и в политике возможно построить достаточно длинные цепочки взаимодействия и обширные сети отношений между людьми. В силу всеобщего признания закона его требования осуществляются добровольно. Санкции* (т.е. сила) применяются только к тем, кто на этот уровень сложности политической системы не поднялся или захотел поставить себя «вне закона».

Интерпретация

Парсонс в работе «Социологическая теория и современное общество» (1967) построил четырехсоставную схему вероятных воздействий субъекта власти на объект в их отношениях: принуждение — ситуационные негативные действия (санкции); побуждение (англ. inducement) — ситуационные позитивные действия (санкции); активизация обязательств (англ. activation of commitments) — интенциональные, т.е. намеренные, негативные действия: убеждение (англ. persuasion) — интенциональные позитивные действия.

Право использовать власть, какие-то негативные санкции по принципу бартера или даже принуждение, чтобы закрепить главенство одного решения над другим, Парсонс квалифицировал как *авторитет*.

Еще более высокая сложность экономической и политической систем — использование их функциональных возможностей: операции с кредитно-долговыми и другими подобными отношениями в экономике, с законами и административными установлениями в политике. Здесь и возникает тот наивысший на сегодня коммуникативный уровень взаимодействия (с обязательным обсуждением альтернатив), когда насилие как таковое уже не нужно. Добровольность становится не вынужденным, а действительным основа-

нием властвования, которое отныне опирается на знание публично согласованных целей и способов их достижения, а также на устойчивые принципы и процедуры действий по реализации соответствующих обязательств политических акторов.

«□□□□ Рассуждая о знании и о власти, мы говорим об одной и той же реальности. Общество, благодаря некоторому распределению знаний, организует и порядок власти... Существование конкретной власти, проявляющейся в данной точке социального устройства, связано с бесчисленными компонентами знания, рассеянными во всех частях социального устройства.

Б. Барнс, «Природа власти»

Однако такие сложно устроенные системы, рассчитанные на хорошие знания, информированность и значительное взаимное доверие граждан, могут давать сбой, если заметная часть общества оказывается не в состоянии действовать адекватно уровню требований. Тогда возможен спуск от достигнутого все ниже и ниже. В итоге можно прийти к тому качественно-положению, когда только сила и обладание товаром остаются единственной надеждой власти. В политике это равноценно деградации политической системы до состояния гражданской войны или «войны всех против всех» (Гоббс); в экономике — крушению не только кредита, но и денежного обращения. В этом смысле прав Болл, утверждая, что использование ничем не связанной силы равнозначно саморазрушению власти. Впрочем, данная закономерность, вопреки мнению Болла, не безусловна по своему характеру. Применение политически и юридически регламентированного (упорядоченного) насилия вроде временного ареста, депортации (высылки), тюремного заключения может иметь оздоровительный эффект, подобно банкротству и распродаже имущества в экономике.

«□□□□ Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства — об этом нет и речи, — но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно. В прошлом различным союзам — начиная с рода — физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области ...претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия.

М. Вебер, «Политика как призвание и профессия»

При учете трех базовых аспектов власти (они же — условные степени ее усложнения) трактовка этого ключевого феномена политики оказы-

вается достаточно гибкой. На самом низком, исходном, уровне директивное управление может быть истолковано как простое распределение ресурсов насилия и прав на их использование. Развитие функционального аспекта власти ведет к разграничению полномочий. При коммуникативном понимании власть оборачивается сотрудничеством (т.е. знанием и доверием) при распределении ресурсов (не только силовых) и при согласовании специализированных политических функций.

2.2. Методы, стили и порядок властвования

Политическую власть на практике осуществляют разными конкретными (порой индивидуализированными) способами, а стилистические черты (совокупность своеобразных приемов) властвования — важная особенность политической системы как таковой. В самом общем виде процесс реализации власти включает в себя: 1) *принятие политических решений* с выбором целей и средств их достижения; 2) *проведение этих решений в жизнь* путем последовательных действий по мобилизации необходимых ресурсов и нейтрализации сопротивления оппозиции.

Методы властвования политологи классифицируют по разным основаниям; их, например, ранжируют (т.е. выстраивают последовательный ряд) в зависимости от соотношения в управлении принуждающего насилия и согласия. Подходы к властвованию обычно распределяют на три группы: **принуждение, убеждение, стимулирование**. В основу каждого из этих методов могут быть заложены самые разнообразные средства и механизмы осуществления власти. Весьма характерно, что необходимый порядок отношений управителей и управляемых образуется за счет «конвертирования» либо физических ресурсов (силы и других способностей, геополитических преимуществ и т.п.), либо символических посредников из смежных с политической сфер: денег (экономика), влияния (социальные связи), ценностных ориентаций (культура) и т.п.

☞ Три основных метода в распоряжении властвующих групп: убеждение, материальная выгода и насилие. Насилие, видимо, наиболее эффективный в краткосрочной перспективе метод, однако он малорезультативен в качестве основного подхода к сохранению власти на длительный срок, ибо он принуждает (особенно в современных условиях) к ужесточению приемов властвования и все более широкому распространению этой жесткости. Самым эффективным (иначе — самым дешевым) методом, конечно, остается убеждение. Однако все три приема — убеждение, выгода и насилие — всегда используются при всех формах правления.

Ф. Ноймани, «Подходы к исследованию политической власти»

При характеристике способов властвования нередко учитывают черты стиля поведения правителей. Психологическое разделение Макиавелли и представителей властей придерживающихся на «львов» (приверженцев прямолинейного господства, склонных к насилию) и «лис» (правителей скрытных и гибких) впоследствии было использовано в работах знаменитого итальянского обществоведа *Вильфредо Парето* (1848–1923) об оптимизации власти, о ее организации и о важнейшей роли в этих процессах элит. Разработку стилевых характеристик продолжают специалисты по политической психологии, которые предложили множество классификаций политических лидеров в зависимости от их стилевого подхода к правлению («знаменосец», «пожарный» и т.п.).

Кроме того, власть по способам осуществления часто подразделяют на **явную** (эксплицитную) и **неявную** (имплицитную). Выражением явной власти будет ситуация, когда А совершенно определенным образом, не допускающим разночтений, укажет Б, что ему надлежит делать (или от чего воздержаться). При неявном властвовании Б делает то, что желает А, но без прямого предписания с его стороны. В этом случае Б знает (или догадывается) об устремлениях А и по разным причинам выполняет их.

Простые примеры подобного предугадывания желаний властной персоны дают неформальные отношения в относительно замкнутых группах (семья, команда политического лидера, клика, клиента и т.п.). Для иллюстрации имплицитной власти иногда ссылаются на основанное на исторических фактах предание. Английский монарх Генрих II (1133–1189), выведенный из себя затяжным конфликтом с архиепископом Кентерберийским Т. Бекетом (1118–1170), однажды в гневе воскликнул: «Неужели никто не избавит меня от этого человека?!» Четыре верных рыцаря суверена той же ночью убили архиепископа, хотя явного, или эксплицитного, приказа сделать подобное они не получали.

*Убийство архиепископа
Кентерберийского Томаса Бекета
(фреска. XIV в.).*

Обратите внимание

По мнению многих политологов, власти присуща изрядная хитрость: она сплошь и рядом прибегает к манипуляциям, создавая иллюзию автономии граждан. Вот лишь некоторые приемы правителей: игра на конформизме многих людей; демагогия; церемониальные эффекты;

разделяемое с народом сознание преступного характера неких акций; возбуждение любви к тирану и т.д. Итак, отношения управителя/управляемый создаются не только насильем или принуждением, но также правдой и ложью, пороком и угодушеством, ощущением достоинства либо неполноценности, предательством и любовью. Очень трудно провести границу между принуждением и согласием, тем более что при демократии речь идет не о согласии всех, а о согласии большинства с действиями власти.

Есть еще одна важнейшая тема, связанная с порядком властвования, принципы **ограничения** политической власти и ее **распределения** между сторонами властных отношений. В современной практике используется очень много таких подходов, однако основные (разделение властей, типология политических режимов и т.д.) подробнее рассматриваются в других главах, а здесь кратко изложены лишь те из них, что непосредственно относятся к основной проблеме этого раздела — порядок осуществления власти.

«□□□□ В прежние времена ни один монарх, какой бы всемогущей и абсолютной ни была его власть, не взялся бы единолично, без помощи промежуточных органов власти управлять всеми частями большой империи... Демократические народы ...пришли к вещам очень странным. Так, они полагают, что граждане не способны сами вести мелкие дела в соответствии с простым здравым смыслом. Когда же речь идет об управлении целым государством, то этим гражданам они готовы доверить несобятную власть. Люди поочередно становятся то игроками в руках правителя, то его повелителями, то больше, чем королями, то меньше, чем простыми смертными.

А. де Токвиль, «О демократии в Америке»

Из желательных и возможных ограничителей верховной политической власти вслед за *Алексисом де Токвилем* (1805–1859) до сих пор называют религию и нормы правственности: промежуточные территориальные органы и «образования патриотического сплочения» (т.е. входящие в государство провинции и регионы, местные общины); группы интересов и социальной солидарности (различные элиты, ассоциации, партии, лоббистские организации); общественное мнение; независимую судебную власть. Позже к этому перечню добавилась и информационная власть.

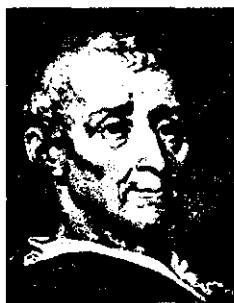
Самый значимый и известный принцип взаимного ограничения полномочий управителей — **разделение властей** — будет рассмотрен в главе о законодательно-функциональной типологии политических режимов. Это означает, что институты и политические силы (включая отдельного гражданина) обращаются не к обобщенной власти как таковой, но к такой власти-посреднику, которая занимается специфическими обязанностями, —

творит законы, исполняет уже принятые решения и законы, следит за их соблюдением. Честь формулирования принципа «власть останавливает власть» для политики принадлежит *Шарлю Луи Монтескьё* (1689–1755).

Интерпретация

Одним из первых философов политики, всерьез задумавшимся над вопросом, почему погиб Рим и как избежать его участи, был *Монтескьё*. Он писал: «Несмотря на любовь людей к свободе, несмотря на их ненависть к насилию, большая часть народов все же подчинилась деспотизму. И нетрудно понять, почему это произошло. Чтобы образовать умеренное правление, надо уметь комбинировать власти, регулировать их, умерять, приводить их в действие; прибавлять, так сказать, балласту одной, чтобы она могла уравновесить другую; это такой шедевр законодательства, который редко удается выполнить случаю, и который редко позволяют выполнить благоразумию». По Монтескьё, средство против вырождения демократии в тиранию — равноправие трех ветвей власти: «Чтобы не было возможностей злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы сдерживать друг друга» («*О духе законов*», 1748).

МОНТЕСКЬЁ (*Montesquieu*), **Шарль Луи** (1689, Шато Лабред, близ Бордо – 1755, Париж) – французский философ-просветитель, политический мыслитель, правовед, писатель.

Автор ряда работ, посвященных политике, среди которых роман-трактат «Персидские письма» (1721; устами своего героя – молодого перса, путешествующего по Европе и направляющего письма на родину (всего 161 письмо), Монтескьё обличал деспотизм, критиковал пороки аристократии и духовенства; в 83-м письме излагается типичная для Просвещения концепция справедливости и правосудия: опорная категория в этой концепции – добродетель); «Размышления о величии и падении римлян» (1733); «О духе законов» (1748; работа над этим сочинением продолжалась более 20 лет) и др. Часть работ Монтескьё не дошла до наших дней – например, сохранились только сокращенное изложение и некоторые фрагменты «Трактата об обязанностях» (1725).

справедливости и правосудия: опорная категория в этой концепции – добродетель); «Размышления о величии и падении римлян» (1733); «О духе законов» (1748; работа над этим сочинением продолжалась более 20 лет) и др. Часть работ Монтескьё не дошла до наших дней – например, сохранились только сокращенное изложение и некоторые фрагменты «Трактата об обязанностях» (1725).

Вклад в развитие политической мысли. В отличие от многих мыслителей Просвещения, Монтескьё при изучении явлений общественно-политической жизни применял не абстрактно-априорные методы, а методы непосредственного эмпирического наблюдения и сравнения. Принципы социального и исторического детерминизма позволили Монтескьё отойти от предшествующих рационалистических концепций и заявить о невозможнос-

ти построить на основе теории естественного права (хотя общие посылки этой теории он разделял) универсальную систему общественных законов, поскольку условия существования народов различны. На первый план Монтескье ставил факторы, определяющие «дух законов», или «образ правления»: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат этого образуется общий дух народов» («О духе законов»). Под «духом закона» Монтескье понимал отношения, характеризующие совокупность позитивных политических, гражданских и исторических законов. Различающиеся условия и факторы, характеризующие «дух закона», определяют также и характер формы правления. Он выделил три формы – республиканская (демократическая и аристократическая), монархическая и деспотическая. Этим формам соответствуют определенные эτικο-политические принципы: добродетель – для республиканской, честь – для монархической, страх – для деспотической.

Французский политолог *Жан-Люк Шабо* справедливо полагает, что каковы бы ни были претензии политической власти, она не может всецело господствовать над управляемым ею обществом, а значит, ей обязательно нужны «физические» противовесы в виде так называемого **правового государства*** и конституционных **гарантий гражданских свобод**.

За несоблюдение принципа ограничения политической власти следуют санкции: они налагаются либо в юридическом порядке, либо применяется коллективная защита управляемых от действий управителей. В конституциях разных государств эти санкции прописаны неодинаково, вместе с тем их можно свести в некий краткий каталог: правовая защита управляемых (оспаривание нормативных актов, в т.ч. подзаконных, высшей власти, персональная, обычно уголовная, ответственность управителей); контроль конституционности (как правило, прямое обращение граждан в Конституционный или Верховный суд); лимитирование права представителей законодательной и исполнительной властей апеллировать в ряде случаев к судам; отрешение от должности управителей с помощью специальной уголовной процедуры и т.д.

Интерпретация

По мнению *Шабо*, изложенному им в учебнике «Введение в политику» (1991), «очевидные преимущества писаного права — его определенность и всеобщая о нем осведомленность («никто не может отговариваться незнанием законов») — недостаточная гарантия его претворения в жизнь. Торжественность деклараций прав не является залогом уважения к ним в реальных действиях членов общества». Для эффективности норм права нужна совокупность трех условий: соответствие писаной нормы ценностям и соотно-

шению сил в обществе; признание наивысшей ценности правовой системы норм (от конституции и ниже); наличие механизмов и органов, чья задача — эффективно обеспечивать законность по ее иерархии (т.е. контроль конституционности).

Ограничения политической власти ради защиты управляемых получили действенную поддержку со стороны международно признанных правовых актов (Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., и т.д.).

Теперь вопрос о **распределении** власти. Властные отношения очевидно *асимметричны*: в них вовлечено правящее меньшинство и управляемое большинство. Ряд политологов считают, что правящее меньшинство — это вневременная социальная категория, которая составляет относительно сплоченную группу — **элиту***, — наделенную, по мнению ее представителей и с точки зрения общественности, выдающимися свойствами. Другие убеждены, что элиты — относительно недавние образования, появившиеся лишь в Новое время благодаря высокой социальной мобильности и расслоению (стратификации) крупных массовидных обществ. Особо выделявшиеся до того группы традиционно воспринимались как объединения «лучших», «благородных», «либеральных» (здесь — свободных и щедрых), «чистых»; для них были характерны достаточно высокая замкнутость, нередко и единство происхождения.

Обладание властью обеспечивает правящей элите привилегированные и господствующие позиции в обществе. Причем считается, что такое положение элиты в социальной структуре не зависит от персональных перестановок, частичного обновления ее состава, происходящих при социально-политических переменах и преобразовании способа организации власти (в т.ч. в случаях чередования у власти правящих и оппозиционных групп); почти неизменными остаются также ее социально-психологические характеристики.

Элиты, равно как прочие массовидные объединения (группы людей, выделяющиеся по определенному признаку — например, пенсионеры, школьники, избиратели какой-то партии и т.п.), некоторые ученые считают субъектами политической власти. Это спорная точка зрения. Возражающие ей спрашивают: могут ли все бизнесмены или рабочие, все женщины или любители пива выступать как единый политический актор? Ответ, по меньшей мере, неочевиден, прежде всего потому, что в современных условиях один человек так или иначе включается в разные группы внутри общества. Более того, есть множество примеров, когда люди действуют вопреки интересам своей группы или наперекор устремлениям большинства.

Однако в политике каждый отдельный человек, сложившиеся элиты и другие социальные группы, политические институты выполняют свойствен-

ные им *роли* и занимают определенные позиции при распределении власти. В традиционных политических системах они образовывали пирамидальные структуры, когда вершину занимал самый мощный властитель, затем шли слои все менее значимых авторитетов, внизу же оказывались самые неавторитетные роли и институты. Тем самым возникали политические отношения иерархического типа. Для их описания удобна модель «верх — низ», «вышестоящие — подвластные».

При **пространственном** (территориальном) распределении власти та же логика может быть представлена с помощью модели «центр — периферия». Она особенно удобна для налаживания функционирования более сложных, чем чисто иерархические, политических систем с гибкими принципами организации. На основе этой модели продуктивное описание распределения и циркуляции власти внутри Европы, отдельных национальных сообществ и субрегионов было осуществлено в 1970–1980-е гг. политологами, интеллектуально объединенными выдающимся норвежским исследователем *Стейном Рокканом*.

РОККАН (Rokkan), Стейн (1921, Ваган — 1979, Берген) — норвежский социолог и политолог-компаративист, видный представитель западной послевоенной политической науки; один из основателей и первый председатель Европейского консорциума политических исследований (ЕСПР).

Автор ряда работ, в том числе: «Граждане, выборы, партии: подходы к изучению сравнительного развития» (1970); «Экономика, территория, идентичность: политика западноевропейских периферий» (1983, соавт. Д. Урвин). Кроме того, Роккан выступил редактором ряда книг: «Демократия в условиях мировой напряженности» (1951, совместно с Р. Маккеоном); «Партийные системы и размежевание избирателей» (1967, совместно с С.М. Липсетом; представляет собой результаты исследования электоральных процессов в Италии, Франции, Испании, ФРГ, Финляндии, Норвегии, Японии, Бразилии и Западной Африке); «Кливажи, партии и массовая политика» (1970, совместно с Э. Аллардом); «Политика территориальной идентичности: исследования европейского регионализма» (1982, совместно с Д. Урвином) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Важной сферой научных интересов Роккана были *электоральные исследования*, в особенности электоральное поведение в Норвегии (участие в Норвежской программе). Первоначальным образцом таких исследований для европейских ученых стали достаточно эффективные американские методики. Было выяснено, что на электоральное поведение в Норвегии влияют отличающиеся от американских партийные альтернативы. Для объяснения этих и подобных различий

Роккан и его коллеги обратились к историческим и региональным (эколого-географическим) факторам, также оказывающим влияние на современные политические ориентации избирателей. По данной причине в электоральные исследования в Норвегии почти с самого начала был включен эколого-географический компонент. Роккан отмечал большое значение в долгосрочной перспективе процессов первичной массовой политической мобилизации, которые, в свою очередь, испытывают значительное воздействие институциональных факторов, в особенности таких, как время и способы введения всеобщего избирательного права в соотношении с возникновением парламентского или подотчетного парламенту правительства. В связи с электоральными исследованиями в сферу научных интересов Роккана попали социальные *клинажи* (фр. *clivage*, англ. *cleavage* — расщепление, разделение), т.е. достаточно широкие и глубокие расколы общества по различным основаниям (классовым, расовым, религиозным и т.п.) или фундаментальные различия и конфликты, определяющие, в частности, размер и качество национальных партийных систем. Роккан предложил немало аналитических схем, объясняющих причины политизации таких расколов. Общей чертой этих схем было немалое внимание к отношениям *центр – периферия*: в процессе нациообразования между модернизирующимся национальным центром и периферией имеют место многочисленные экономические, юридические, культурные и т.п. противоречия. Кливажи сопровождаются появлением устойчивых комплексов (политических) предпочтений, вокруг которых формировались европейские партии. После возникновения базовых электоральных структур (институтов, в т.ч. правил голосования) происходит «отверждение» (англ. *freezing*) кливажей (расколов) и электоральных структур (институтов), их стабилизация: «Партийные системы 1960-х годов отражают с немногими, но существенными исключениями структуру кливажей 1920-х годов» («теорема отверждения» была выдвинута Рокканом в 1967 г. совместно с С.М. Липсетом).

В поздних работах Роккан рассматривал вопросы, связанные с нациообразованием и формированием государств, намереваясь создать «топологическую и типологическую макромодель Европы», требовавшую систематического сравнения больших массивов географических, экономических, политических и т.п. данных по европейским странам. Предложенная им «концептуальная карта Европы» («теория Европы») основана на сочетании методов ретроспективного и перспективного анализа, чрезвычайно насыщена политическими сущностями и охватывает временной период в несколько столетий.

Пространственное распределение, функциональная специализация могут привести к такому усложнению процессов циркуляции (круговорота) власти, что гражданам и их объединениям, вступающим через исполнение ролей в политические отношения, окажется трудно разобраться с многоликостью ее проявлений. В таких случаях возникают вполне оправданные ощущения многовластия, а с ними — и стихийного безвластия.

Именно это в античности выражало понятие **полиархии** (гр. polyarkhia — власть многих) как рассогласованности управления. Когда же создаются специальные институты, которые регулируют процессы распределения власти, задают правила ее делегирования, возвращения и функционального преобразования, многообразие локусов (лат. locus — место) власти люди способны обратить себе на пользу.

Например, даже в централизованном, т.е. *унитарном* (фр. unitaire — составляющий единое целое), государстве есть общенациональная власть и периферия с местным управлением. Однако здесь все внутренние и международные полномочия сосредоточены в руках первой. По определению **Шабо**, если государство из центра с помощью своих представителей руководит местными территориальными единицами, это — *деконцентрация*; если оно передает часть своих полномочий локальным сообществам и контролирует выполнение ими надлежащих функций, то мы имеем дело с *децентрализацией*. Гораздо сложнее распределение власти в *федеративных* (лат. foedus — союз) государствах, где существуют одновременно два постоянных и формальных уровня управления. Своеобразие этого устройства состоит в том, что сама федерация обладает всей полнотой внешнего и частью внутреннего суверенитета; ее участник (субъект) — лишь некоторыми, в каждом случае особыми, признаками внутреннего суверенитета. Еще более разнообразно устройство власти в конфедерациях или в таких наднациональных образованиях, как Европейский союз.

2.3. Авторитет, господство и их признание обществом

Вынесенные в заглавие раздела термины политики — одни из центральных для изучения феномена власти, а потому весьма сложны для понимания. Принято считать, что существует три мотивации носителя властных функций: желание господствовать — эгоистический фактор; намерение сделать благо другому — альтруистический (бескорыстный) фактор; стремление вписаться в освященный свыше круг любой власти. Выше говорилось, что сущность собственно политической власти — в ее функции главного средства (посредника), позволяющего осмысленно соединить усилия многих людей для реализации согласованных или, по меньшей мере, принимаемых ими целей. Значит, в этом состоит и ее мотивация в целом: данная власть возникла в силу необходимости преодоления беспорядка путем налаживания взаимодействия людей, а тем самым ради упорядочения общественных процессов, создания основ для их предсказуемости. Посредник подобных взаимодействий должен быть выверен и его эффективность — проконтролирована. Это важно для того, чтобы оценить деятельность людей (выполнение или невыполнение обязательств) как совокупность поступков справедливых (оп-

равданных) и несправедливых, а также максимально повысить их результативность.

Категория **авторитета***, которую многие политологи-вслед за Зебером считают ближайшей к термину господство, очень часто используется в политологии. По продолжателям споры о ее действительном современном содержании. По одним мнениям, авторитет есть *форма осуществления власти* наряду с косвенным влиянием, принудительным контролем, насилием и т.п. По другим — авторитет означает *принятое народом руководство*, обладающее способностью направлять действия и мысли других политических акторов без употребления принуждения или насилия. В третьем толковании авторитет рассматривается в качестве *одного из источников власти*, и здесь уже власть становится в свою очередь формой реализации авторитета.

Возможно ли непротиворечивое сочетание этих трактовок? При каких условиях форма и результат власти могут оказаться также ее источником, отличающимся от других разновидностей власти? В попытке найти удовлетворительные ответы на эти вопросы нужно обратиться к суждению лингвиста, автора теории структуры индоевропейского корня **Эмиля Бенвениста** (1902–1976), специально установившего исходную метафорику и смысловую схему понятия авторитета.

Мохандас Карамчанд ГАНДИ (1869, Порбандар – 1948, Дели) – один из лидеров и идеолог индийского национально-освободительного движения, создатель доктрины ненасильственной борьбы за независимость – сатьяграха (санскрит, буквально – упорство в истине). Авторитет Ганди и его социально-политическая и религиозно-философская доктрина, основанная на принципе ненасилия, в значительной степени способствовали достижению Индией независимости.

Auctor — имя деятеля от *augeo* (лат.), обычно переводимого как «приумножать, увеличивать»... Для нас «приумножать» эквивалентно значению «увеличивать»... Но в самых древних примерах *augeo* указывает не на приумножение того, что существует, а на вскармливание грудью, на творческий акт, создающий нечто из питательной среды и являющийся привилегией богов или могучих природных сил, но не людей... В качестве *auctor* во всех сферах деятельности называется тот, кто «проводит в жизнь», берет на себя *инициативу*, первым проявляет какую-то активность, тот, кто организует, обеспечивает... Таким путем абстрактное имя *auctoritas* (лат. авторитет) обретает всю полноту своего содержания: это акт творения, или... действительность какой-либо инициативы... Всякое слово, произнесенное *авторитетом*, предопределяет некоего изменение в мире, создает нечто. Это подспудное качество и выражает *augeo* — силу, которая заставляет растения произрастать и дает

жизнь закону... В auctoritas заключены смутные и могучие смыслы. Это присущий немногим дар... сотворения бытия.

Э. Бенвенист, «Словарь индоевропейских социальных терминов»

Вообразить творящую силу в наглядных физических образах вполне естественно для мифологического мышления. При последующей научной рационализации понятия удобнее представить авторитет как *самопорождение власти* — она одновременно создает его и создается им. Благодаря смысловым ассоциациям авторитет может при этом отождествляться то с источником, то с результатом, то со свойствами и признаками (атрибутами) власти.

В общем виде авторитет определяют как **средоточие** (локус) власти в *двуединстве* ее концентрации и обратного распределения. Такое понимание фундаментального соотношения между властью и авторитетом ярко отразил афоризм **Цицерона** (106–43 до н.э.): «Власть в народе, авторитет в сенате» (лат. «Potestas in populo, auctoritas in senatu est»). Можно попытаться восстановить логику данной формулы. Власть мыслилась как способность объединенного народа осуществлять свои согласованные цели, утверждать общепринятые ценности и взаимодействовать. Значит, власть растворена в обществе, она принадлежит всем вместе и никому в отдельности. Всякое же нарушение политического общения, сотрудничества, согласованности ведет к разложению власти, в итоге — к безвластию. Во избежание этого нужно было найти противодействие распаду власти, ее частному (частичному) присвоению. Следовательно, от сенаторов и вообще от правителей требовалось находить, объединять и усиливать важнейшие аспекты общего согласия, а от народа — одобрять и поддерживать такую политику. Дабы стать правящим авторитетом, античный сенат обязан был быть фокусом политического общения, ядром (институтом) народного согласия.

И в современном понимании авторитет оказывается способностью руководителей выявлять и реализовывать в политике согласие большинства граждан по поводу государственных решений. Так что формула Цицерона, отражающая диалектику соотношения власти и авторитета, справедлива и для нынешних дней. (Кстати, это отличный образец многовековой преемственности в политическом мышлении.) С одной стороны, авторитет — только средство достижения власти, будучи одновременно ее предпосылкой. С другой — авторитет признан таковым лишь в том случае, если он поможет структурировать власть, т.е. придать ей формы *государственности* и эффективной *законности* (правопорядка), а также добьется поддержки своих действий, явного или неявного согласия с ними граждан. Он — и заложник этого согласия, и его творец.

В политологии очень распространено понятие **легитимности*** как по отношению к властвующему авторитету, так и к власти в целом.

Когда говорят, что власть легитимна, то тем самым управляемые (либо какие-то внешние субъекты) признают ее право на руководство, в т.ч. монополию на принуждение, или же все участники политических отношений вырабатывают общие рамки (стандарты) власти как символического посредника, обеспечивающего взаимное выполнение обязательств. Таково весьма частое, но не вполне строгое использование понятий легитимности и легитимизации, которые в точном значении относятся прежде всего к несравненно более сложным явлениям современной политики, предполагающим не просто признание подвластных, но их процедурно закрепленное участие в выработке политических решений, критику и обсуждение альтернатив.

Поскольку власть есть сравнимый с деньгами символический посредник, то может происходить ее девальвация и ревальвация (лат. приставки *de-* — снижение, *re-* — противоположное действие, фр. *evaluation* — оценка). Все будет зависеть от того, насколько предсказуемо и точно будут выполняться взаимные обязательства властей и подвластных, равно как и граждан по отношению друг к другу. Чем надежнее выполнение обязательств, тем выше цена власти; чем сомнительнее исполняются обязательства, тем ниже падает доверие к власти, а значит, и к призванным обеспечивать ее поддержание людям.

Легитимизация в системах власти является, таким образом, фактором, который аналогичен уверенности во взаимном зачете и стабильности платежной единицы в денежных системах ...Применение власти, как и использование денег, по сути дела должно сводиться к жертвованию альтернативными решениями, которые исключаются из-за обязательств, взятых властью на себя в соответствии с определенной политикой.

Т. Парсонс, «Социологическая теория и современное общество»

Изображение на деньгах политических лидеров может быть понято не только как свидетельство взаимной конвертируемости экономической и политической власти, но и как символ подверженности власти определенным экономическим законам.

На рисунке - монеты с изображением Селевка I (Персия, 312 г. до Р.Х.) и денарий Диоклетиана (III-IV вв.).

Когда участники политических отношений — прежде всего управляемые — не уверены в исполнении руководителями взаимных обязательств, то происходят *кризисы власти*, причем в разных ее воплощениях. Пути их преодоления связаны прежде всего с накоплением властью средств и возможностей (ресурсов, развитии организационных структур, разработке творческих идей и т.п.), в повышении надежности и эффективности выполнения обязательств ради удовлетворения взаимных ожиданий максимального числа политических акторов. Главное здесь — рост доверия к действиям правителей, т.е. опять-таки обновление их легитимизации. Подтверждение легитимности авторитета на практике означает, что люди добровольно, без принуждения или иной формы насилия начинают подчиняться властным приказам, руководствоваться организующими указаниями. Но как и почему это происходит?

«»»» Сам факт отдачи приказа еще недостаточен для того, чтобы можно было обоснованно судить о наличии отношений власти. Кроме того, должно существовать обоснованное убеждение, что приказание будет выполнено, что оно встретит повиновение.

Е. Вятр, «Социология политических отношений»

При любых трактовках ключевой вопрос в обретении легитимности — вера в право того или иного политического актора на властвование. Но признание авторитета не равнозначно его легитимности в строгом смысле слова. Она не сводится к поддержке и наделению властей (начальства) авторитетом, а является своего рода резонансом устремлений властителей и подвластных, отвечающим их представлениям о 1) правильном (созвучном общим нормам) и 2) целесообразном (соответствующем тем или иным целям, интересам, потребностям, мнениям о благе и т.п.) правлении. Политологи нередко выделяют еще один принцип: 3) выраженное согласие, или консенсус, по поводу власти и коммуникативный эффект, который по сути есть лишь результат взаимодействия первых двух. То есть, по словам известного французского политолога *Мориса Дюверже* (род. 1917), легитимен любой режим, отвечающий народному консенсусу.

Источники легитимности власти могут быть самыми разнообразными, но при этом основополагающей для политической науки и широко используемой считается классификация легитимности властвования (даже права на насилие), данная *Вебером*. Он выделил три типа господства* по характеру их внутреннего оправдания:

-- *рационально-легальное* — в силу авторитета рациональных установлений и правил;

-- *традиционное* — на основе авторитета исконных нравов и извечного закона;

– харизматическое — оправдание авторитетом.

В реальной политической жизни, как правило, легитимности присущ смешанный характер. Вебер для исследовательской цели выделил идеальные типы легитимности.

«Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествовавшие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство ... В принципе имеется три внутренних оправдания [господства], т.е. основания легитимности. ... Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет *правов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, — «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет необычного личного дара (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности»*, в силу веры в обязательность легального *установления* (Satzung) и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил — господство в том виде, в каком его осуществляет современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении.

М. Вебер, «Политика как призвание и профессия»

Типология социальных действий стала главной для веберовской концепции легитимного господства. Для этого ученого «господство означает шанс встретить повиновение определенному приказу», а изучение мотивов «повиновения приказу», т.е. подчинения, позволило ему построить теоретическую схему идеальных типов господства, которая впоследствии развивалась другими авторами.

В основе *рационально-легального типа господства* находится целерациональное действие, а мотивом подчинения (в данном случае повиновения законам, а не личности правителя) служат соображения интереса. Такая легитимизация власти присуща современным западным обществам, которым свойственно признание главенства формально-правового начала. Аппарат управления в этих государствах состоит из компетентных чиновников, обязанных действовать не по своему усмотрению, а в соответствии с законами, нормами, правилами и т.п. Класси-

Рационально-легальному типу господства свойственно признание главенства формально-правового начала. На картине: *Клятва депутатов третьего сословия в зале для игры в мяч (Жак Луи Давид, XVIII в.). Депутаты Национального собрания во Франции (1789 г.) поклялись не расходиться, пока не будет принята Конституция.*

чической основой легального господства принято считать бюрократию.

Базис *традиционного типа господства* — действие, соответствующее традиции, а мотивы подчинения образуют привычки, обычаи, глубокое уважение к законам-установлениям и самим властителям, которые необходимо дополняются верой в их священность. Чистый тип такого господства патриархальное, схожее по своей организации с семьей: хозяин-правитель возглавляет «государственно-семейную» иерархию, положение в которой определяется степенью приближенности к господину, а возможность продвижения по ней — личной преданностью ему, т.е. повинуются исключительно личности, а не закону. Данная структура господства весьма устой-

чива, потому опирающийся на нее политический режим может существовать очень долго (к примеру, Китай).

Харизматическому типу господства присущ аффективный тип социального действия (основанного на эмоциональном переживании), для

которого необходимы необыкновенные личные качества (магические способности, особый дар речи, сила интеллекта и духа и т.п.); благодаря им человек выделяется из общей массы, становясь ее лидером и подчиняя своей воле. Харизматическое господство тоже предполагает повиновение личности как чувственную реакцию на ранее невиданное, чрезвычайное и непонятное. Сила харизматического правителя состоит не в опоре на закон и рациональный аппарат управления, не в сложившихся традициях поведения, а в обладании редким даром, вызывающим сходное с религиозным преклонение. История показывает: многие харизматические властители нередко были тиранами и диктаторами (А. Гитлер, И. Сталин) или придерживались до-

традиционного господства основано на уважении к законам и обычаям, достигаемому от предков. На рисунке: *Король Франции Карл V в 1379 г. назначает Бертрана де Гюзна коннетаблем Франции.*

вольно жесткого (авторитарного) стиля руководства.

В мировой политической истории харизматическое господство — весьма преходящее явление; оно постепенно превращается в рутину, а затем обретает традиционную легитимность, что, в свою очередь, открывает возможности и для учреждения рационально-легальных оснований властвования. Эмоциональная привязанность к вождю, пророку исчезает достаточно быстро, люди возвращаются в состояние покоя, более долговременное и стабильное, нежели первоначальный взрыв чувств.

Харизматическое господство предполагает веру в исключительные свойства лидера.
На фото: Демонстранты несут портрет имама Хомейни (Иран).

Обратите внимание

Ныне расхожее употребление слова *харизма* в отношении многих популярных политиков не предельно предлагает никакого сакрального (священного) смысла, а является просто метафорой. Харизматическое лидерство присутствует в сегодняшней практической политике нередко в виде *персонализации* власти (придания ей четко выраженного личностного характера, как это было в случаях с президентом Франции Ш. де Голлем, президентом России Б.Н. Ельциным). Ошибочно смешивать во многом искусственно созданный СМИ образ почтения к лидеру с наличием у него подлинной харизмы. Харизма, воспринимаясь как некий божественный дар, отождествляется с образом спасителя отечества, который проявляется в весьма редких условиях смут и войн. Для Европы, по мнению французского политолога *Ги Эрмэ*, времена харизматических лидеров и экзальтированных толп вообще уходят в прошлое. Однако феномен массовой психологии, исследованный *Густавом Лебоном*, *Зигмундом Фрейдом*, *Хосе Ортегой-и-Гассетом* и др. мыслителями, не перестал представлять научный и практический интерес.

Вот образчик отношения (в форме оды) к действительно харизматическому лидеру — фюреру Германии А. Гитлеру: «Мой вождь, я тебя хорошо знаю и люблю, как своего отца и свою мать. Я тебя всегда слушаю, как отца и мать. Взрослым я всегда буду тебе помогать, как отцу и матери. И я буду для тебя не гочником радости, как для отца и матери».

Показательно, что в концепции Вебера легитимность и распространенная ныне в качестве политического режима демократия не связаны между

собой. Исторически традиционная и харизматическая легитимности могут быть обнаружены только при авторитарном правлении. Они почти никогда не появляются в демократиях, по крайней мере, в чистом виде. Идеальные типы Вебера антагонистичны друг другу только в теории. В реальности все традиционные системы обладают определенными чертами легальности, а демократические общества поддерживаются традиционным авторитетом закона и власти. Рационально-легальный тип легитимности, с изрядными допущениями, можно зафиксировать примерно в 40 государствах из более чем 190 существующих в современном мире.

Интерпретация

Политолог *Дэвид Хелд* попытался приспособить веберовскую триаду легитимности к современным реалиям, и у него получилась довольно тяжеловесная схема: согласие под угрозой насилия; легитимность в силу традиции; согласие из-за апатии; прагматическое подчинение (т.е. ради личной выгоды); инструментальная легитимность (согласие подчиниться, ибо данный режим может служить инструментом достижения общего блага); *нормативное согласие*; *идеальное нормативное согласие*. Хелд считает подлинной легитимностью только два последних типа, когда большинство граждан данного государства полностью поддерживают действующую власть, а она сама воспринимается как соответствующая принятым в обществе нормам.

На рубеже XX и XXI столетий процессы легитимизации власти становятся гораздо менее стихийными и все более формально регулируемые, осуществляемые по рациональным правилам. Институционализация подобных правил связана с различием конституционных (неизменных, постоянных) и режимных (изменяемых, переменных) аспектов современной политической организации. Конституция и конституционность не подвергаются ни легитимизации, ни, конечно, делегитимизации, поскольку, по определению, неоспариваемы и в идеале созданы на века. Корпус управителей всех уровней, напротив, должен постоянно подвергаться критике и обновлению. Этому служит, в частности, институт соревновательных *выборов*, которые представляют собой своего рода искусственные кризисы легитимности, завершающиеся подтверждением согласия граждан на обновление управления. Поскольку возникновение подобных кризисов конституционно закреплено, они разрешаются с помощью определенных правил и процедур и тем самым перестают угрожать неконтролируемой девальвацией власти, а помогают ее очистить и стабилизировать.

Сводная таблица типов господства по Веберу

	Традиционный	Харизматический	Рациональный
Инструмент господства	Уважение к священной характеру традиции	Признание «милости»	Законопослушание
Наименование главного властителя	Повелитель (сеньор)	Руководитель	Высший чиновник
Наименование подвластных	Слуги (компаньоны или подданные)	Адепты	Граждане
Ресурсы	Сбор податей (дани)	Добыча, дары	Налоги
Типичный политический режим	Монархия	Плебисцитарная диктатура	Парламентская демократия
Используемое качество для властвования	Почтение	Эмоции	Разум
Тип революции	Традиционная революция	Радикальный революционный переворот мира	—

Д. Кола, «Политическая социология»

Вопросы для семинарского занятия

1. В чем состоит различие между метафорическим и научно-политическим толкованием власти?
2. Что такое власть? Может ли она быть подвергнута научному анализу? Почему ученые и обычные граждане вообще должны интересоваться проблемой власти?
3. Чем политическая власть отличается от неполитической?
4. В чем заключается сущность власти?
5. Каковы свойства директивного, функционального и коммуникативного аспектов власти?
6. Каков современный политический потенциал принуждения и согласия?
7. Методы властвования. Эксплицитная и имплицитная власть.

